

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования

«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

(ФГБОУ ВО «КубГУ»)

Кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций

КУРСОВОЙ ПРОЕКТ

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ
ПУБЛИЦИСТИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

Работу выполнил И. С. Быетров

Факультет журналистики

Направление магистерской подготовки 42.04.02 Журналистика

Программа магистерской подготовки ««Правовая проблематика»

Научный руководитель

д-р филол. наук, доцент А. В. Осташевский

Нормоконтролер

преподаватель А. В. Осташевский

Краснодар 2018

Содержание

Введение.....	3
1 Факторы и особенности развития русской публицистики первой половины XVI века.....	7
1.1 Бурное общественное развитие первой половины века и «унификация» уклада жизни середины XVI века.....	7
1.2 Теории особого мирового значения Русского государства.....	11
2 Канонические вопросы в церковной публицистике.....	18
2.1 Развитие церковной публицистики в XVI веке.....	18
2.2 Церковная полемика между «стяжателями» и «нестяжателями».....	24
2.3 Публицисты Федор Карпов, Иван Пересветов и Ермолай-Еразм.....	27
Заключение.....	31
Список использованных источников.....	32

Введение

Информационное пространство средневековья в Европе, Византии и Древней Руси в основе своей имеет христианскую парадигму. Не случайно церковную проповедь называют пражурналистским явлением. В истории можно найти многочисленные примеры влияния проповедника на социальные институты, в том числе окрашенные правовыми коллизиями. Проповедническая деятельность свт. Иоанна Златоуста часто касалась критики государственной власти с позиции церковных канонов; в Западной Европе св. Амвросий Медиоланский потребовал в публичной проповеди покаяния от императора Феодосия за наказание фессалоникийцев. То есть Церковь влияла на правовые отношения в государстве, одновременно с этим светское право влияло на формирование церковно-канонического.

Слово «канон» означает прямой прут, измерительную палочку. В дальнейшем оно стало употребляться для обозначения правил поведения (или норм), изданных синодами, или вселенскими соборами, или отдельными епископами, в соответствии с которыми поведение людей признавалось правильным или неправильным.

Каноническое (церковное) – это система правил поведения, принятых синодами, соборами, отдельными епископами, систематизированных и записанных в сборниках.

Каноническое право было создано в основном в XI-XII вв. Достигнув апогея в XIII в. в Западной Европе, а в России несколько позднее (XV-XVI вв.), значение канонического права пошло на убыль, хотя еще долго (практически до начала XX в.) оно играло определенную роль в жизни общества. И еще одно отличие канонического права (такое его название укоренилось на Западе) от церковного права (наименование, используемое в России). Сила и мощь церковного права в России были несколько меньше канонического по той

причине, что создание российской государственности шло по азиатскому типу (или «сверху»). Церковь в числе других социальных институтов оказалась «подмятой» государством со времен Петра I.

Мы обращаемся к исследованию допетровской эпохи, когда отношения между Церковью и государством были более сбалансированными, но всё же драматичными, что выплёскивалось в публицистику.

С. В. Перевезенцев, русский историк и философ, писатель, публицист, который участвует в теоретической разработке принципов современного русского консерватизма, так оценивает этот период: «XVI – XVII века – это самый высший пик во всей отечественной истории. Да, конечно, позднее, когда была создана Российская империя, государство значительно приросло землями и народами. Да, несомненно, что XIX и XX столетия стали временем расцвета отечественной науки и культуры. Однако такого духовного напряжения, такой высоты духовного понимания смысла жизни, каковые были достигнуты нашими предками в XVI – XVII веках, более уже не было... Но именно из XVI – XVII веков светит нам духовный огонь русских сердец, зажженный, конечно, ранее, еще Крещением святого Владимира, однако возгоревший в полную силу именно тогда, четыреста – пятьсот лет назад»¹.

Думается, истоки такой оценки в том, что XVI век дал России высокие идеалы, к которым она пыталась вернуться в последующие века. В частности, именно тогда были созданы концепция старца Филофея «Москва – Третий Рим» и произведение, ставшее основой «Чина венчания на царство» «Сказание о князьях владимирских». И сегодня, когда страна занята поиском «национальной идеи», публицистика XVI века может играть в нашей жизни большую роль. В этом и заключается **актуальность** обращения к теме.

¹ Перевезенцев С.В. Россия. Великая судьба. М., 2005. С. 321.

Хотя XVI век называют веком публицистики ², мы считаем неправомерным полностью отделять ее от литературы этого периода. У письменного слова только начали появляться публицистические черты, и многие произведения можно отнести и к литературе, и к публицистике того времени. Поэтому мы в данной работе там, где это неуместно пока еще говорить о публицистике, ведем речь о литературе.

Объект дипломной работы – русские литературно-публицистические тексты XVI века.

Предмет – религиозно-правовая проблематика русской публицистики XVI века.

Отметим, что советское литературоведение подробно разобрало тексты древнерусской литературы и публицистики. Говоря об отечественной литературе и публицистике средних веков, нельзя не упомянуть известного ученого, академика Д. С. Лихачева. Его работы до сих пор чрезвычайно важны для исследователей, занимающихся древнерусской литературой. В частности, для написания данной работы мы **методологически опирались** на следующие статьи Д. С. Лихачева: «Эпоха решительного подъема общественного значения литературы»³, «Литература «государственного устройства»⁴, «На пути к новому литературному сознанию»⁵, «Подступы к решительным переменам в строении литературы»⁶ и др.

В исследовании применялись культурно-исторический и сравнительнотипологический **методы**.

² См. подробнее: Общественная мысль России в XVI – XVII вв.: в 2-х т. – Т. 1; «Великая Смута». М., 2010.

³ Лихачев, Д.С. Эпоха решительного подъема общественного значения литературы// Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984.

⁴ Лихачев Д.С. Литература «государственного устройства»// Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985.

⁵ Лихачев Д.С. На пути к новому литературному сознанию// Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.

⁶ Лихачев Д.С. Подступы к решительным переменам в строении литературы// Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987.

Новизна нашего исследования по сравнению с ранее существовавшими работами состоит в том, что мы изучили произведения древнерусской литературы XVI века с точки зрения церковно-правовой проблематики, а также их современной актуальности и значимости.

Цель настоящего исследования: изучить религиозно-правовой аспект отечественной публицистики XVI века в контексте актуальности для XXI века.

Следовательно, **задачи**:

1. Изучить отечественную публицистику первой половины – середины XVI века, установить главных авторов и темы, определить основные тенденции и выявить ее современное значение;

2. Изучить отечественную публицистику второй половины – конца XVI века, выявить направление ее развития, проанализировать круг наиболее важных вопросов, которые она поднимала, установить основных авторов и определить ее актуальное значение.

Настоящая работа состоит из введения, 2 разделов, заключения, списка использованных источников, который включает 39 наименований.

1 Факторы и особенности развития русской публицистики первой половины XVI века

1.1 Бурное общественное развитие первой половины века и «унификация» уклада жизни середины XVI века как предпосылки появления публицистических произведений

Древнерусская литература к началу XVI века, как и все литературы раннего этапа, носила синкретичный характер: в ней были переплетены документальность и художественная образность языка. Русская публицистика еще не была вычленена из литературы в самостоятельное явление. Однако чуть позднее у слова появляется такое значимое качество, как актуальность. Качество, которое является отличительной чертой именно публицистики.

Общественная жизнь этого периода просто бурлила. XVI век – это время, когда были заложены основы России. Завоевания Ивана Грозного привели к образованию многонациональной страны. В глубинах общественной жизни уже началась незаметная и постепенная трансформация Русского государства в Российское – качественно другую державу, для которой разрабатывались собственные принципы управления. Впервые состоялось венчание на царство.

В первой половине века продолжился процесс консолидации русских земель вокруг Москвы. В 1510 г. древний город Псков окончательно потерял самостоятельность. Московский князь Василий упразднил псковское вече, снял и увез в Москву вечевой колокол, символ былой воли. Этим событиям посвящена «Повесть о псковском взятии», где летописец, признавая закономерность присоединения Пскова к Москве, в то же время сожалеет о былой свободе. «И так прошла слава псковская! – восклицает он. – О славнейший среди городов – великий Псков! О чем сетуешь, о чем плачешь? И отвечал град Псков: «Как мне не сетовать, как мне не плакать! Налетел на меня многокрылый орел, а крылья полны когтей, и вырвал у меня кедры

ливанские. Бог наказал нас за грехи наши – и вот землю нашу опустошили, и город наш разорили, и людей в плен взяли, и торги наши с землею сровняли, а иные навозом конским забросали, а отцов и братьев наших развезли; где не бывали наши отцы, и деды, и прадеды наши, туда увезли отцов, и братьев наших, и друзей, а матерей и сестер наших на поругание отдали»⁷.

Но как бы ни стенали летописцы покоренных городов, такая политика московских князей привела к созданию в XVI в. централизованного государства. Его укрепление сопровождалось напряженной политической и идеологической борьбой. Не обошла эта борьба и церковь. На церковном соборе 1503 года произошел раскол между т.н. «стяжателями» и «нестяжателями». Церковная полемика вышла за рамки собора и продолжилась на годы.

Все эти события горячо обсуждались в обществе, и это, в конце концов, не могло не привести к тому, что академик Д.С. Лихачев назвал «решительным подъемом общественного значения литературы»⁸. Он же писал: «Никогда прежде не спорили так много в Древней Руси, как в первой половине XVI века»⁹. И был абсолютно прав.

Литература первой половины – середины XVI века имеет отчетливый публицистический характер и широко обращается к формам устной, ораторской речи, к формам диалога, философской прозы. Литература занята не столько эстетическим отображением действительности, сколько размышлением о ней; она рассуждает, спорит, доказывает, приводит широкую аргументацию.

Продолжает замечательные традиции прежних веков в это время и церковная публицистика. В частности, в ней широко находят применение элементы ораторской речи. Происходит влияние литературы церковной на

⁷ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 373.

⁸ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 5. ⁹ Там же.

светскую: многие приемы первой последняя активно использует, что частично меняет ее характер.

Еще одной особенностью словесности того времени была афористичность. Характер средневекового мировоззрения требовал и в светских сочинениях обращения к авторитетным изречениям. Эти изречения давались в светских полемических и философских произведениях, но они приводились без ссылок на их авторитетных авторов. Возможно, причина кроется в том, что источники цитат были хорошо известны образованному слою русского общества, к которому, в основном, были обращены древнерусские произведения. Афористической формой пользуются Пересветов, Еромолай-Еразм и многие другие авторы.

Академик Д.С. Лихачев писал: «Литература – духовный организатор мира культуры. Она противостоит хаосу антикультуры, изначальной дисгармонии мира. Ее организующая роль тем сильнее, чем обширнее страна, чем больше в ней региональных, социальных, внутрифеодальных различий, бытовых особенностей – социальных и местных. Литература – огромное органическое целое, носящее активный действенный характер. Именно потому в такой большой и пестрой стране, как феодальная Россия, литература играла в культурной жизни особенно важную, связующую роль. Она создавала идеалы поведения, идеалы личности, идеалы быта и государственного устройства»⁹.

Пожалуй, одним из идеалов, созданных в начале века, стал концепт «Москва – третий Рим», предложенный старцем Филофеем. Кроме того, были и другие теории об особом историческом пути России, появившееся примерно в одно и то же время, что, конечно, неслучайно. Эти идеалы носили собирательную функцию, и нужда в них проявлялась тем острее, чем больше развивалось государственное объединение.

⁹ Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985. С. 5.

Середина XVI века была эпохой величайшего государственного торжества на Руси: исконно русские земли было собраны воедино, присоединены Казанское и Астраханское царства. Государство стало единым под властью одного сильного монарха вместо десятков слабых князей. Россия в глазах идеологов русской государственности была близка к выполнению своей официальной исторической миссии: стать новым Римом.

Если в предшествующую эпоху создавалось то, что должно было стать идеалом, то в середине XVI века идеал был создан, и создана была почва для его, казалось, быстрого осуществления: русская территория была собрана, земли и церковь объединены.

Эпоху, начинающуюся с середины XVI, века правомерно назвать эпохой обобщающих предприятий. «Стоглав» крепит единство и устойчивость церкви, «Домострой» вводит быт в регламентированные и идеализированные формы, «Степенная книга» и «Лицевой летописный свод» создают стройную концепцию русской истории: как устремленную к тому, чтобы стать опорой вселенского православия. Эта последняя концепция стала осуществляться в литературе уже в предшествующую эпоху, когда появилась идея Москвы как «Третьего Рима» – третьего и последнего; мирового царства, предназначенного провидением выполнить мировую роль, дать завершающее торжество православию и православному царству.

Стиль, который следует признать господствующим в XVI веке, – это стиль церемониального монументализма. Этот стиль характеризуется не только пышностью форм, но и особым отношением к миру, стремящимся все подчинить определенным идеалам мироустройства. Происходит возвращение к монументализму, характерному для литературы и искусства Киевской Руси.

В 50 – 60-х годах XVI века проводятся многочисленные реформы, направленные на укрепление централизованного государства, на унификацию всей культурной, политической, экономической жизни страны. Унификация эта – подведение всей страны под некие нормы, создавшиеся в представлениях

правлящего класса отчасти под влиянием широкой полемики, разгоревшейся в литературе в начале века. Хотя сама полемика в этот предшествующий период велась довольно широко, и различные точки зрения были представлены с относительной свободой, – результаты полемики свелись к тому, что монархическая власть сочла оправданным свое вмешательство во все стороны жизни своих подданных, и создававшиеся произведения, в большинстве своем огромные и пышные, приобрели характер предписаний и установлений, официальных историй и поучений к созданию единообразию во всех сторонах жизни: «Стоглав», «Домострой», «Чин венчания на царство», «Великие Четьи-Минеи», «Казанская история».

1.2 Теории особого мирового значения Русского государства

Объединив отдельные русские княжества под своей властью, московские князья стали воспринимать свои обязанности прежде всего как служение – служение православию во всем мире, а себя – как единственных после падения Византии защитников православия. Все теории власти, которые начали возникать в XV и XVI веках о мировой роли Русского государства, строились прежде всего на обосновании права по наследству – от Рима Восточного и Рима Западного.

Всего в этом периоде возникли три теории об особом пути Русского царства, которые привлекли к себе внимание московских государей: теория, изложенная в «Повести о Вавилонском царстве» (возникла в XV веке) и обоснованная там обретением царских регалий; теория, высказанная в посланиях монаха Елеазарова монастыря Филофея о Москве – Третьем и последнем Риме, и третья теория, получившая воплощение в официальном «Сказании о князьях владимирских», где власть московских государей рассматривалась как унаследованная от римских цезарей.

«Повесть о Вавилонском царстве» – наиболее ранняя из попыток заявить и обосновать права Русского царства. Она относилась к XV веку и носила сказочный характер. В «Повести» излагалась легенда о том, как одновременно получили равные права для своих царств грек, грузин и русский. Они проникают в заколдованное и охраняемое Вавилонское царство, где и получают венцы царя Навуходоносора, драгоценные камни и кубки.

Косвенно о большом значении, которое властями придавалось «Повести о Вавилонском царстве», говорит его включение в XVI веке в официальный сборник, несмотря на сказочный характер этого произведения. Однако «Повесть» в силу именно своей фантастичности не могла удовлетворить читателей, искавших бесспорных исторических обоснований прав русских государей. Поэтому вскоре появляется другое политическое произведение со схожими целями – «Сказание о князьях владимирских».

«Сказание о князьях владимирских» стало официальной концепцией исторических прав Русского государства в XVI веке; оно прошло несколько стадий, прежде чем закрепилось в окончательном варианте. Автором легенды, легшей в основание «Сказания», стал тверской монах Спиридон-Савва. У этого человека интересная судьба: в XV веке его посвятили в митрополиты всея Руси в Царьграде, но новый митрополит не был признан в Москве и сослан московским великим князем в Ферапонтов монастырь. Спиридону Савве первому пришла идея связать родословие московских князей с римскими цесарями. Он составил «Послание о Мономаховом венце», в котором утверждал, что от Августа-кесаря его потомок Прус получил свою часть на востоке Европы. Эта земля позже досталась его наследнику Рюрику, а от него к русским князьям рюриковичам. Вторая часть «Послания» излагает историю получения в Царьграде «шапки (венца) Мономаха» Владимиром Мономахом, а с ним вместе и других даров, удостоверяющих его царское достоинство. Третья часть послания – родословие литовских князей гедиминовичей.

Неизвестный автор переработал идею Спиридона-Саввы для того, чтобы приспособить ее для доказательства правомерности притязаний потомков Даниила Александровича московского через его сына Юрия Даниловича на возглавление Руси. Таким образом родилось «Сказание о князьях владимирских». Время его написания доподлинно не известно. В 10-х гг. XVI века (до 1523 года) появилось «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы. Примерно в то же время (не позднее 1527 года) на основании «Послания» неизвестными авторами была написана первая редакция «Сказания о князьях владимирских»¹⁰. Позже в связи с венчанием на царство Ивана IV текст «Сказания» был переработан, что привело к созданию второй редакции. Кстати, «Чин венчания» появившийся на основе «Сказания» использовался для коронации всех последующих монархов.

В этом литературно-публицистическом произведении подробно описывается момент передачи Константином Мономахом царских регалий. «И принял он [Константин – прим.] мудрое царское решение – отправил послов к великому князю Владимиру Всеволодовичу: Неофита, митрополита эфесского, и с ним двух епископов... С шеи своей снял животворящий крест, сделанный из древа, на котором был распят сам владыка Христос. С головы же своей снял он венец царский и положил его на блюдо золотое. Повелел он принести сердоликовую чашу, из которой Август, царь римский, пил вино, и ожерелье, которое он на плечах своих носил, и цепь, скованную из аравийского золота, и много других даров царских»¹¹. Греческий царь якобы просит великого князя Владимира принять дары, и произносит следующее: «...теперь будешь ты называться боговенчанным царем, увенчанным этим царским венцом рукою святейшего митрополита кир Неофита с епископами»¹². В этих словах проявляется созвучие с целями и чаяниями тогдашних русских

¹⁰ Подробнее см.: Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955.

¹¹ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 429.

¹² Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 429.

правителей, которые хотели обосновать свой авторитет не только перед образованными жителями своей страны, но и другими государствами.

Особое звучание в «Сказании о князьях владимирских» приобрела третья часть «Послания» Спиридона-Саввы. Литовский князь Гедимин Первый представлен там простым конюхом, слугой московских князей. Конечно, таким образом подчеркивалось превосходство русской династии над правителями Литовского княжества. Подобная трактовка исторического образа родоначальника Гедимины Первого могла сделать в глазах современников обоснованным притязание на владения его потомков. В 10 – 20х гг. XVI в. это имело актуальное политическое значение, т.к. тогда велась борьба с Литвой за пограничные земли.

Но во второй редакции произведения легенда о происхождении литовских князей была исключена. Иван Грозный отвергал ее, говоря: «...безлепичники врут, что Витенец-служебник был тверских великих князей, а при нем был конюшец Гегиминик»¹³.

Это произведение, в отличие от «Повести о Вавилонском царстве», сыграло большую роль в жизни русского общества. Именно «Сказание о князьях владимирских» и было принято в качестве официального обоснования прав московских великих князей на возглавление всех русских княжеств, а затем и Русского царства. В 1547 году Иван Васильевич IV был коронован «шапкой Мономаха» на русский престол. На основе «Сказания» был составлен «Чин венчания» московских государей. Идеи «Сказания» излагались в дипломатических документах, в официальных летописях, в «Степенной книге царского родословия». Отдельные сцены из него и сам текст были вырезаны на дверцах царского трона, стоявшего в московском Успенском соборе.

Третья теория особого мирового значения Русского государства высказана «попутно», как сама собой разумеющаяся, в неофициальных

¹³ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 260.

посланиях старца и игумена псковского Елеазарова монастыря Филофея. В произведении, написанном в 1524 году и называемом «Послание на звездочетцев», а также в других посланиях, адресованных Василию III и Ивану IV, публицист упоминает о Москве как о Третьем и последнем Риме. Последняя теория давала широкое историческое обоснование прав Москвы на первенствующее положение в мире, поэтому следует подробнее остановиться на личности ее автора и истоках, откуда она родилась.

Филофей (около 1465 – 1542 гг.) – один из известных публицистов первой половины XVI века. Он известен хронологическими трудами, а также несколькими посланиями, идеологически обосновывающими самодержавную власть московского великого князя уже после окончательного присоединения Пскова к Москве (1510 г.). В послании Василию III Ивановичу, написанном около 1514 – 1521 гг., изложена самая первая, еще не обработанная в философском смысле идея «Москва – Третий Рим»; в одном из последних своих произведений (сентябрь 1527 – март 1528 гг.), в третьем послании дьяку Михаилу (Мисюрю) Григорьевичу Мунехину Филофей уже представил развернутые доказательства своей теории.

Согласно теории старца Филофея мировая история представляет собой последовательную смену мировых держав. Первой мировой державой был Рим Древний. Второй мировой державой, пришедшей на смену первому, являлся Рим Второй, или Византия. После же отпадения Второго Рима от православной веры в результате Флорентийской унии¹⁴ и захвата Константинополя турками, Третьим Римом, защитницей и центром истинного православия стала Москва.

¹⁴ Флорентийская уния – соглашение, заключенное на соборе во Флоренции в июле 1439 года об объединении католической и православной церквей на условиях признания православной церковью католической догматики и главенства папы Римского при сохранении православных обрядов. Акт об унии подписал русский митрополит Исидор, однако русское духовенство и великий князь Василий II Тёмный отказались принять Флорентийскую унию, Исидор был низложен.

Правда, идея старца Филарета не является сугубо оригинальной. Несколько раньше митрополит Зосима в изложении пасхалии «на осьмую тысящу лет» (1492 г.) уже говорил о «Третьем Риме». Истоки философсколитературной идеи о трех сменах царств, по-видимому, восходят к библейской Книге Ездры, на Руси переведенной только в конце XV века. Схожие мысли о смене царств и народов на мировой сцене были давно известны славянским народам уже по древнейшим переводам библейской Книги пророка Даниила и по «Слову святого Ипполита об Антихристе». Следует также отметить, что подобная теория не представляла ничего исключительного и для средневековой Европы, где большинство царствующих династий связывали свое происхождение либо с римскими императорами, либо с участниками Троянской войны. Однако в заслугу Филарета (и это главное) нужно вменить то, что он идеологически обосновал независимость московских государей от «внешних властей» и мировое значение русского государства, тем самым выразив общие настроения, сложившиеся к началу XVI века.

В обиход официальных институтов представления о том, что Московское государство является последним мировым государством – Третьим Римом, вошли не ранее XVII века и без помпезного провозглашения этих своих прав. Филофей в написанных им произведениях косвенно признавал высшие права светского государя и на решение церковных вопросов, что противоречило интересам иосифлянских церковных кругов, претендовавших на самостоятельное значение церкви в самодержавном государстве. Видимо, поэтому распространение идей старца на Руси несколько задержалось и достигло полной силы только в эпоху Ивана Грозного. Тогда и много позже популярность текстов посланий Филарета была исключительной, со временем появились их новые, обросшие рассуждениями и цитатами варианты.

Филофей также писал об упадке нравов среди духовенства, боролся с «латынщиной», то есть с папством, которое в это время добивалось унии с православием, стремясь к последовательному подчинению его католичеству. Много внимания он уделял критике пропагандистов католического влияния на Русь, таких, как лекарь Николай Булев. Кстати, с последним в полемике находился еще один известный церковный публицист XVI века – Максим Грек, о котором речь пойдет дальше.

Теории особого национального и мирового значения Русского государства, появившиеся в XVI веке, сыграли важную роль в русской культуре. В частности, их влияние в XIX веке заметно в творчестве Ф.М. Достоевского. Великий русский писатель в своих произведениях не раз отстаивал мысль о «мессианском пути» России, ее особом назначении. В «Дневнике писателя» 1876 года мы находим монолог о двух фазисах, пережитых миром. Монолог Достоевский вложил в уста некоего Парадоксалиста, в котором мы с полным правом видим литературную маску, скрывающую самого автора. «Теперь ждут третьего фазиса: кончится буржуазия и настанет Обновленное Человечество. Оно поделит землю по общинам и начнет жить в Саду. «В Саду обновится и Садам выправиться»¹⁵, – рассуждает неумный Парадоксалист. И ведущая роль в будущем третьем фазисе принадлежит России. Парадоксалист продолжает: «А между тем если я вижу где зерно или идею будущего – так это у нас, в России»¹⁷. Перед нами такая вот своеобразная интерпретация теории Филофея о «Москве – Третьем и последнем Риме». Правомерно сделать вывод, что идеи, первоначально призванные сформулировать политическую теорию суверенности Русского государства и упрочить его международный престиж, глубоко укоренились в общественном сознании и продолжают жить до сих пор, иногда давая неожиданные всходы.

¹⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 2011. С. 309. ¹⁷ Там же.

2 Канонические вопросы в церковной публицистике

2.1. Развитие церковной публицистики в XVI веке

«Духовное (церковно-богословское) красноречие – древний род красноречия (ораторский речи), имеющий богатый опыт и традиции. Выделяют проповедь (слово), которую произносят с церковного амвона или в другом месте для прихожан и которая соединится с церковным действием, и речь официальную, адресованную самим служителям церкви или другим лицам, связанным с официальным действием»¹⁶. Духовное красноречие изучает наука о христианском церковном проповедничестве – гомилетика.

После того как князь Владимир Святославович в 988 году крестил Русь, в истории древнерусской культуры начинается период освоения духовных богатств христианских стран, главным образом Византии, создания оригинальных памятников искусства, в том числе, литературы.

Уже в ораторской речи Киевской Руси выделяют два подвида: красноречие дидактическое, или учительское, которое преследовало цели морального наставления, воспитания, и панегирическое, или торжественное, которое посвящено знаменательным церковным датам или государственным событиям. В речах отражается интерес к внутреннему миру человека, источнику его дурных и хороших привычек. Осуждаются болтливость, лицемерие, гнев, сребролюбие, гордыня и пьянство. Прославляются мудрость, милосердие, трудолюбие, чувство любви к Родине, чувство национального самосознания.

Славные традиции церковного красноречия предыдущих столетий продолжились и в начале века XVI. Тогда появляются такие яркие церковные

¹⁶ Культура русской речи. М., 2009. С. 103.

публицисты и проповедники, как митрополит Даниил, игумен Памфил и Максим Грек.

Достойный ученик Иосифа Волоцкого, Даниил был плодовитым писателем: ему принадлежит шестнадцать «слов», посвященных религиознодогматическим, обрядовым и бытовым вопросам, а также множество посланий. Дата рождения митрополита неизвестна, митрополичий престол он занимал с 1522 по 1539 г., умер же в 1547 году. Даниил придает своим «словам» дидактический характер, ревностно обличая тех, кто нарушает установленные нормы христианской морали.

Митрополит Даниил, в отличие от других публицистов своего времени, не придерживался правил риторики. Для него характерно свободное обращение с языком. Он смело вводит в свои «слова» просторечную лексику, способствуя демократизации литературного языка и стиля.

В произведениях Даниила религиозная дидактика сочетается с натуралистическим описанием пороков. Публицист пытается создать собирательный образ носителя порока, будь то пьяница, развратник, обжора, тунядец или щеголь. Даниил использует разговорные интонации, чем достигает в «словах» яркости и образности. Таков, например, образ развратника и модника, созданный Даниилом в двенадцатом «словенаказании»: «Великий подвиг твориши, угождая блудницам: ризы изменяеши, хождение уставляеши, сапоги велмы червлены и малы зело, якоже и ногам твоим велику нужу терпети от тесноты съгнетения их, сице блистаеши, сице скачеша, сице рыгаеша и рзаеша, уподобляяся жеребцу... Власы же твоа не точию бритвою и с плотию отъемлеша, но и щипцем ис корене исторзати и ищипати не стыдишия, женам позавидев, мужское свое лице на женское претворяеша»¹⁷.

¹⁷ Кусков В.В. История древнерусской литературы. М., 2006. С. 207.

Другое произведение церковного деятеля – «Поучение Даниила, митрополита всея Руси», также посвящено нравственной проповеди. Автор в нем порицает мирские увеселения, в частности, участие в народных зрелищах и играх, распитие алкоголя и др. Это традиционная тема для древнерусской литературы, унаследованная ею еще от византийских авторов. Сочинение митрополита Даниила возникло в русле очень развитой и давней традиции и потому оно весьма традиционно как по содержанию, так и по художественной форме. На ту же тему писали признанные христианские проповедники, а на Руси в рассматриваемый нами век – игумен Памфил и Максим Грек; неприличные увеселения осуждали Стоглавый собор и «Домострой».

По мнению иерарха, опасность светских развлечений состоит, в том, что они отвлекают христианина от главного – спасения души для Царствия Божьего. «Ибо не вечны мы здесь, в настоящей жизни, и как бы в гостях пребываем; непостоянно это житие, и не здесь уготовано нам жить, – пишет он. – Но того ради привел нас Господь Бог в настоящую жизнь, чтобы мы не настоящему внимали и не о преходящем заботились, но чтобы все к будущей жизни промышляли и готовили»¹⁸.

Осуждая обычных христиан, придающихся пляскам и пиршествам, Даниил еще строже относится к священнослужителям, призванным быть примером для паствы. «И особенно тем, кто посвящен Богу, подобает во всем прилежание и попечение блюсти: и в одеждах, и в обуви, и в обличье и внешнем виде, во время хождения по улице, в торгу, и в доме, и за разговором, и в молчании, и во время обеда – во всем стремиться к простоте, благоустроению и пользе»¹⁹.

Мы уже упоминали, что произведение митрополита Даниила весьма традиционно по форме. Он обращается за цитатами к авторитетным

¹⁸ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 521.

¹⁹ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 523.

источникам: апостолу Павлу, Священному Писанию, правилам вселенских и поместных соборов, к сочинениям почитаемых христианских святых Иоанна Златоуста и Ефрема Сирина. Даниил строит свое поучение по правилам ораторской речи: использует риторические фигуры, приводит расширенную аргументацию, доказывает и убеждает, но при этом не забывает и о художественной стороне, вводя в текст метафоры и запоминающиеся образы.

С «Поучением Даниила, митрополита всея Руси» перекликается другое произведение, написанное в самом начале XVI века. «Послание игумена Елеazarова монастыря Памфила» посвящено схожей теме: священнослужитель негодует по поводу того, что народ принимает участие в языческих игрищах. Русь приняла крещение в 988 г., и в XVI веке православие уже прочно вошло в жизнь русского общества. Однако языческие пережитки оставались еще сильны. Н. М. Карамзин писал: «Заметим, что не только чужд, но и самые россияне в XVI веке еще усердно следовали некоторым языческим обыкновениям. Жители Псковской области 24 июня праздновали день Купала: собирали травы в пустынях и в дубравах с какими-то обрядами, а ночью веселились, били в бубны, играли на сопелях, на гудках, молодые жены, девицы плясали, обнимались с юношами, забывая стыд и целомудрие...»²⁰.

Так сам игумен Памфил описывает народные обряды на день Иван Купалы: «... стучат бубны, поют сопели, гудят струны. Плескание и плясание, тайные знаки головой, непристойные крики и вопли из уст, самые непристойные – так угождают бесам жены и девы, и телом вихляют, и скачут, и выплясывают...»²¹. Церковь, конечно же, осуждала подобные действия. Тем более что купальские игрища совпали с одним из основных христианских праздников – Рождеством Иоанна Предтечи. Ревностный игумен Елеazarовской обители старец Памфил с укоризной писал к наместнику и сановникам Пскова в 1505 году, что день Рождества Иоанна Предтечи все еще

²⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2002. С. 588.

²¹ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 321.

проводится в «бесовских игрищах». Однако послание игумена цели не достигло: местные власти не слишком озаботились борьбой с языческими обрядами. Тогда Памфил пишет еще одно послание, более объемистое, сопроводив его словами об ответственности наместников за жизнь и нравы города, о тяжелых последствиях за идолослужение.

Игумен Памфил был талантливым публицистом: он хорошо знал и применял правила риторики. Произведения игумена красноречивы, оставляют непосредственное и живое впечатление. Д. С. Лихачев, оценивая произведения игумена Памфила, отмечал: «Свободное владение разными манерами повествования и риторическими приемами характеризуют его как искусного и опытного стилиста»²².

Большую роль в истории древнерусского литературы и общественной мысли в рассматриваемый нами период сыграл Максим Грек. Этого высокообразованного человека, иностранца, монаха и публициста связала с Россией интересная и сложная судьба. Николай Карамзин пишет в «Истории государства Российского»: «Муж славный в нашей церковной истории, инок Максим Грек, был также в числе знаменитых, виновных и невинных страдальцев сего времени»²³. В чем же заключались жизненные обстоятельства, сделавшие Максима Грека «страдальцем»? Попробуем подробнее разобраться.

Максим Грек (1480 – 1556 гг.) принадлежал к знатному греческому роду Триволисов, близкому Палеологам. Образование он получил блестящее²⁴: посетил Италию – тогдашний очаг культуры, был знаком с такими знаменитыми философами эпохи Возрождения, как Анджело Полициано и Марсилио Фичино. Но наибольшее впечатление на молодого человека

²² Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 701.

²³ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2002. С. 583.

²⁴ См.: Сеницына М.В. Максим Грек в России. М., 1977.

произвели проповеди Иеронима Савонаролы²⁵. Вероятно, под влиянием этого человека Максим Грек и решает принять монашество. Позже Максим Грек возвращается в Грецию, в Ватопедский монастырь на Афоне. Оттуда он едет по специальному поручению Константинопольского патриарха ко двору Василия III в 1516 году. «Василий, в самые первые дни своего правления осматривая богатства, оставленные ему родителем, увидел множество греческих духовных книг, собранных отчасти древними великими князьями, отчасти привезенных в Москву Софию и лежавших без употребления. Он хотел иметь человека, который мог бы рассмотреть оные и лучшие перевести на язык славянский; не нашли в Москве и писали в Константинополь»²⁶.

По заданию великого князя Максим перевел Толковую Псалтирь, однако, несмотря на многочисленные просьбы, обратно на Афон его так и не отпустили. Жизнь Максима Грека оказалась связанной с Россией навсегда.

Максим Грек оставил яркий публицистический след в истории нашей страны. В своих произведениях он неустанно призывал черное духовенство к «нестяжанию» материальных благ, заботе о своей душе и строгому и неукоснительному соблюдению монашеского «устава». В «словах» и «поучениях» Максим Грек также выступал против злоупотреблений суда, суеверий, «звездосказания», «звездозрительных прелестей», не обходил стороной и политические вопросы²⁷. Последним посвящено его произведение с красноречивым названием «Слово, пространне излагающе с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последняго жития».

Против упадка нравов в русских монастырях того время должна бороться «Повесть страшна и достопамятна», посвященная жизни знаменитого Иеронима Савонаролы. Его и католических монаховкартезианцев

²⁵ Иероним Савонарола (1452-1498), настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Выступал против тирании Медичи, обличал папство, призывал церковь к аскетизму, осуждал гуманистическую культуру. В 1497 г. отлучен от церкви, по приговору приората казнен.

²⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2002. С. 583.

²⁷ См: Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969.

Максим Грек противопоставляет русским монахам, показывая смирение и нестяжание первых и развращенность мирскими благами вторых. Однако при этом публицист отнюдь не занимался апологией католичества: «Я это пишу не для того, чтобы показать латинскую веру чистой, совершенной и правильной во всем, – да не будет во мне такого безумия! – но чтобы показать православным, что и у неправильно мудрствующих латинян есть попечение и прилежание о евангельских спасительных заповедях и ревность за веру спасителя Христа, хотя и не до конца осмысленные...»²⁸.

Конечно, такая активная «нестяжательская» позиция не могла понравиться официальным «иосифлянским» кругам. На церковном соборе 1525 года Максим Грек был обвинен в ереси и в сношениях с турецким султаном и сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь. Яростным обвинителем Максима Грека выступил еще один яркий церковный публицист, уже знакомый нам митрополит Даниил. Это весьма показательное событие: Русская церковь находилась в нестроении и делилась на «партии», и одни талантливые проповедники травили других вместе того, чтобы объединить усилия на благо общей страны и церкви.

2.2 Церковная полемика между «стяжателями» и «нестяжателями»

В 1503 году состоялся церковный собор, на котором были преданы суду руководители расплотившихся в последние годы еретических движений. Главным обличителем ереси выступал Иосиф Волоцкий. В «Просветителе» он опроверг основные положения новгородско-московской ереси, выдвинув против еретиков тяжкое обвинение в «жидовстве». «Убежденный наконец представлениями духовенства или сам видя упрямство отступников, не

²⁸ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 489.

исправленных средствами умеренности, ни клятвою церковною, ни заточением, великий князь решился быть строгим, опасаясь казаться излишне снисходительным или беспечным в деле душевного спасения. Созвав епископов, он вместе с ними и с митрополитом снова выслушал доносы. Иосиф Волоцкий заседал с судьями, гремел красноречием, обличал еретиков и требовал для них мирской казни»²⁹. Волоцкий добился у Ивана III принятия жестких мер по отношению к еретикам: одни «... были осуждены на смерть и всенародно сожжены в клетке; иным отрезали язык, других заключили в темницы или разослали по монастырям»³².

На том же соборе, по-видимому, по инициативе Ивана III, был поставлен вопрос о монастырском землевладении, ибо к этому времени у монастырей оказалось гораздо больше земель, чем у государства. На соборе слово взял заволжский старец Нил Сорский. Он выступил против того, чтобы монастыри владели селами. По его мысли, монахи должны были жить в скитах и кормиться собственным трудом. Ему возразил Иосиф Волоцкий, основатель и игумен Иосифо-Волоколамского монастыря. Волоцкий доказывал необходимость монастырского землевладения («стяжания церковныя – Божия суть стяжания»).

Точка зрения игумена Волоцкого была поддержана митрополитом Симоном и большинством участников собора. Ее сторонники получили названия «иосифлян» или «стяжателей», а их противники – «нестяжателей» или «заволжских старцев».

Таким образом, собор 1503 года способствовал церковному разделению и оформлению двух идеологических группировок в русской церкви – «стяжателей» и «нестяжателей». И хотя точка зрения «иосифлян» стала

²⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2002. С. 533.

³² Там же.

официальной, борьба с ней продолжилась «нестяжателями» и вылилась в публицистику в качестве многолетней полемики.

Главой и руководителем религиозно-политического течения «нестяжателей» признают «заволжского старца» Нила Сорского (в миру Николая Майкова). Он родился около 1433 года, принял монашеский постриг в северном Кирилло-Белозерском монастыре. Позже ушел из монастыря и основал свой скит на лесной речке Соре. Нил Сорский – автор ряда сочинений, в котором развивал идеи нравственного самоусовершенствования и аскетизма. После его смерти в мае 1508 года, во главе нестяжателей встал Вассиан Патрикеев, бывший князь Василий Иванович Патрикеев, насильно постриженный в 1499 году в монахи и сосланный в Кирилло-Белозерский монастырь.

Поводом для нового витка противостояния «нестяжателей» и «стяжателей», стало «Слово об осуждении еретиков» Иосифа Волоцкого. Произведение это было написано уже после основного противоеретического сочинения Волоцкого – «Просветителя» и после казни наиболее видных еретиков в 1504 году.

Автор в «Слове» ставил себе целью обосновать необходимость подвергать еретиков и вероотступников тюремным заточениям и жестоким казням. Для этого он опирается на авторитет Священных Писания и Предания, приводя оттуда цитаты. Так, ссылаясь на апостолов Петра, Иоанна и Павла, святителя Иоанна Златоуста и многих других почитаемых святых, Волоцкий убеждает читателя XVI века, что еретиков не надо убивать до тех пор, пока те не начинают растлевать православных христиан своими учениями. Дальше, говоря о том, что Отцы церкви запретили казнить еретиков, он добавляет: «Это о епископах, священниках и о монахах, о всем церковном причте говорит он [Иоанн Златоуст – прим.], а не о царях, или князьях, или же правителях областей. Если бы говорил он о царях, князьях и о правителях, сказал бы, что

нельзя царям, князьям и правителям убивать еретиков»³⁰. Иосиф Волоцкий приводит в «Слове» многие эпизоды из жизни апостолов, пророков и святых в качестве аргументов для подкрепления своей позиции. В целом же произведение написано строгим риторическим стилем, присущим церковнопублицистическим текстам того времени.

Идейные противники Волоцкого не преминули выступить с «Ответом кирилловских старцев на Послание Иосифа Волоцкого». Произведение написано от лица коллективного автора – старцев Кирилло-Белозерского монастыря и заволжских старцев, которые считали, что покаявшихся еретиков следует прощать. Старцы иронично вопрошают Волоцкого: «Вот, господин, епископ катанский Лев связал епитрахилью и сжег Илиодора-волхва и другого волхва, Исидора, также сжег молитвой при византийском цесаре. А ты, господин Иосиф, почему не испытаешь своей святости? Связал бы архимандрита Касьяна [архимандрит новгородского Юрьевского монастыря, один из главных обвиняемых на церковном соборе 1503 года – прим.] своей мантией, и пока бы он не сгорел, ты бы связанного его в огне держал!»³⁴. И предлагают свой аргумент в защиту того, что еретиков и вероотступников не следует казнить: «... нам же, в благодати Нового Завета, владыка Христос открыл союз любви, чтобы брат не осуждал брата, а только Бог судил грехи людей, сказав: «Не судите и не будете осуждены»³¹.

Полемика между «стяжателями» и «нестяжателями» закончилась в 1531 году, когда на очередном церковном соборе был осужден Вассиан Патрикеев. Ранее осуждению также подвергся видный деятель – примыкавший к «нестяжателям» Максим Грек. Само же иосифлянство как церковнополитическое движение продолжалось до конца XVI века, затем и оно сошло на нет.

³⁰ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 329. ³⁴ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 361.

³¹ Там же.

2.3 Публицисты Федор Карпов, Иван Пересветов и Ермолай-Еразм

Русские публицисты XVI века в основном писали на политические темы. Одной из главных тем в их произведениях стало отстаивание сильной царской власти, при этом они предложили свое видение государства и государя. Язык светских публицистов того времени ориентирован на разговорную речь, что стало особенностью русской публицистики.

Федор Карпов – государственный муж, дипломат, с чьим мнением считались выдающиеся писатели XVI века. В своих произведениях он выступал против знатности и создал своеобразную утопию, в которой рассказал об обетованной стране живых, о земном рае, где все основано на разумных началах, где государь заботится о благе каждого.

Федор Карпов состоял в переписке с выдающимися общественными и церковными деятелями своего времени. Сохранились его послания таким разным публицистам как Максим Грек, митрополит Даниил и инок Филофей.

Послание митрополиту Даниилу является наиболее интересным сочинением Карпова. Написано оно до 1539 года, и является ответом на «епистолию» Даниила, в которой митрополит призывал писателя к терпению. В послании Федор Карпов отдает должное своему корреспонденту, называя его «светом среди учителей», «устаами Христа» и «проповедником жизни». Тем не менее, все эти славословия служат лишь предисловием к полемике с митрополитом. Карпов вопрошает: «...для устойчивости дела народного, или царства, или власти важнее правда или терпение?»³². И далее рассуждает в таком духе: если важнее терпение, то напрасно составлены законы; они и обычаи священные будут разрушены в царстве, а общество придет в беспорядок. А если – правда, то тогда не нужна похвала терпению. По мнению публициста, светские люди должны судиться по другим законам, нежели лица

³² Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 509.

духовные, а, следовательно, и терпения им нужно поменьше. «Дело народное в городах и царствах погибнет из-за излишнего терпения, долготерпение среди людей без правды и закона и общество достойное разрушает и дело народное сводит на нет, дурные нравы в царствах вводит и делает людей непослушными государям из-за нищеты. Поэтому всякий город и всякое царство, по Аристотелю, управляться должно начальниками по правде и определенными законами справедливыми, а не терпением»³³, – убежден Карпов.

Схожие взгляды отстаивал еще один публицист той эпохи – Иван Пересветов. В частности, он тоже защищал интересы простых людей и утверждал, что справедливость выше веры³⁸. До сих пор неизвестно, существовал ли реальный человек с такой фамилией, был ли это псевдоним Ивана Грозного, или это было несколько человек. На основании текстов можно сказать, что по происхождению он был европейцем, профессиональным военным. В 1538 году приезжает из Литвы в Россию, где открывает мастерскую по изготовлению щитов. Иван Пересветов известен своими челобитными («Малой» и «Большой») на имя государя Ивана IV. В них под прикрытием личных просьб он предлагает государственные проекты о том, как обустроить Россию.

В «Малой челобитной» Пересветов рассказывает о себе, о том, что служил у трех европейских королей и подглядел устройство гусарских щитов, с которыми «с близкого расстояния не возьмет стрела, а с дальнего боя не возьмет ручная пищаль»³⁴. Публицист жалуется Ивану Грозному, что дело по производству таких нужных щитов стоит, а недоброжелатели вконец его разорили своими притеснениями. В «Малой челобитной» показано, как из-за безответственности государственных мужей, не может быть реализовано

³³ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 511-513. ³⁸ См.: Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественнополитической мысли середины XVI века. М., 1958.

³⁴ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 597.

предприятие, которое важно для обороноспособности страны. Так Иван Пересветов описывает свои злоключения: «А с прибытия моего, государь, одиннадцать лет, а я к тебе, благоверный государь, доступа не имею. Я же тебе, государь, о себе говорю ради царского твоего воинственного духа, чтобы умение мое не пропало втуне у меня, ведь тебе скоро, государь на твоих неприятелей понадобится»³⁵. И делает горестное заключение: «Служил я, государь, трем королям, а таких притеснений ни в одном королевстве не видал»³⁶.

В «Большой челобитной» публицист преследует уже более масштабную цель; по сути, это развернутый политический трактат, в котором Пересветов рассказал, каким должно быть государство. Он предлагает царю провести ряд крупных политических реформ: создание регулярной армии, завоевание Казани, отмена системы управления наместников. Эти идеи были оригинальны и ранее в публицистике не озвучивались³⁷. Иван Грозный не до конца принял точку зрения Пересветова, однако сохранил в своей личной библиотеке его произведения и, по некоторым данным, при составлении ответов князю Курбскому обращался к текстам публициста.

Ермолай-Еразм (1510-е гг. — середина 1550-х гг.), русский церковный деятель, публицист. Протопоп дворцового собора в Московском Кремле, входил в круг приближенных к митрополиту Макарию образованных книжников, разделял взгляды Иосифа Волоцкого о сильной и воинствующей церкви. В своих сочинениях выступал против ересей, обличал корыстолюбие и стяжательство бояр.

В 1549 написал для царя Ивана IV Грозного руководство по управлению государством и измерению земли «Благохотящим царем правительница и

³⁵ Там же. С. 599.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Лихачев Д.С. Иван Пересветов и его литературная современность// Сочинения Ивана Пересветова. М.; Л., 1956.

землемерие», в котором была дана программа реформ финансового обложения и землеустройства для улучшения положения крестьян. Предлагал ввести для крестьян единый налог, равный пятой части производимых продуктов, переселить помещиков в города, что позволило бы в кратчайший срок проводить дворянское войско в боевую готовность. По мысли Ермолая-Еразма феодалы должны стать государственными чиновниками, размер земельных владений которых зависел бы от занимаемой должности. Для предупреждения народных волнений Ермолай-Еразм предлагал улучшить положение простого народа рядом законодательных актов. В последние годы жизни он отошел от социальных и политических проблем и занимался чисто религиозной проблематикой.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в начале XVI века произошел скачок в развитии публицистики. Он оказался сопряжен с бурным общественным развитием этого периода. В Русском государстве спорили, и спорили все. Появилось два церковно-идеологических течения: иосифлянство и нестяжательство. Первые стали официально признаны и поддержаны большинством. Второе же было почти полностью разгромлено к середине века. В первой половине века было разработано несколько теорий особого пути Русского государства. Одна из них о получении царских регалий Владимиром Мономахом выражена в «Сказании о князьях владимирских», принятой в качестве официальной идеологии. Однако наибольшее влияние на умы последующих поколений оказала теория «Москва – Третий Рим», разработанная в посланиях старца Филофея. Все эти теории были приняты за идеал, к которому следует стремиться, и в середине века были «законсервированы» в монументализме. Публицистика первой половины – середины XVI века богата именами как церковных, так и светских авторов: Максима Грека, Иосифа Волоцкого, Ивана Пересветова, Ермолая-Еразма, Федора Карпова, митрополита Даниила и др. Тогда как в следующую эпоху – вторую половину века, в публицистике властвовал один Иван Грозный. Современное значение публицистики первой половины – середины XVI века в том, что она отразила процесс становления идеалов Русского государства. Теории особого мирового значения России явились как раз такими идеалами, которые остались в общественном сознании и отразились в публицистике последующих веков. Большую актуальность сегодня имеют и поиски русских публицистов первой половины – середины XVI века в области государственного устройства. В частности, отнюдь не риторический вопрос: «Что важнее для пользы государства – терпение или закон?», заданный Федором Карповым, думается, и сегодня вызовет бурную дискуссию в обществе.

Список использованных источников

1. Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М., 1966.
2. Гуревич А.Я. Категория средневековой культуры. М., 1984.
3. Демкова Н.С. Средневековая русская литература (поэтика, интерпретация, источники). Спб., 1997.
4. Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955.
5. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М., 2011.
6. Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987.
7. Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.
8. Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969.
9. Изборник (Сборник произведений литературы древней Руси). / Сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М., 1969.
10. История русской литературы X – XVII веков/ Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1966.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2002.
12. Культура русской речи / отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. М., 2009.
13. Кусков В.В. Древнерусская литература в исследованиях. М., 1986.
14. Кусков В.В. История древнерусской литературы. М., 2006.
15. Лихачев Д.С. Иван Грозный как писатель//Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951.
16. Лихачев Д.С. Иван Пересветов и его литературная современность// Сочинения Ивана Пересветова. М.; Л., 1956.

17. Лихачев Д.С. Канон и молитва Ангелу Грозному воеводы Парфения Уродивого (Ивана Грозного)// Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.
18. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы IX – XVII веков. Л., 1973.
19. Лихачев Д.С. Смех в Древней Руси/ Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. Л., 1976.
20. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960.
21. Мальцева Р.И. Жанрово-стилистический аспект русской средневековой публицистики/ Р. И. Мальцева, Э.И. Токарева// Телевидение, печать, Интернет: история, стилистика, тропеика. Сборник научных трудов. Краснодар, 2010.
22. Немировский Е.Л. Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979.
23. Общественная мысль России в XVI – XVII вв.: в 2-х т. – Т. 1; «Великая Смута»/ Сост., авторы коммент. И.Л. Андреев, В.Н. Козляков. М., 2010.
24. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века /Сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М., 1982.
25. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. / Сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М., 1986.
26. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. / Сост. и общая редакция Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М., 1984.
27. Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков. / Сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М., 1987.
28. Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. / Сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М., 1985.
29. Перевезенцев С.В. Россия. Великая судьба. М., 2005.
30. Повести Древней Руси / Подгот. текстов, пер., прим. О.В. Творогова,

- Д.С. Лихачева, В.В. Колесова и др. М., 2009.
31. Послания Ивана Грозного / Сост. и общая ред. Д. Лихачева. М.; Л., 1951.
 32. Прокофьев Н.И. Древняя русская литература. М., 1980.
 33. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966.
 34. Синицына М.В. Максим Грек в России. М., 1977.
 35. Токарева Э.И. Девиации стилистики древнерусской публицистической литературы и газетной публицистики XVII – XVIII вв. // Телевидение, печать, Интернет: история, стилистика, тропеика. Сборник научных трудов. Краснодар, 2010.
 36. Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории: Философское исследование. М., 1906. – С. 175, 181; ср.: Трубецкой С.Н. Учение о логосе в его истории. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков «Фолио», 2000. С. 192, 199.
 37. Ученова В.В. Гносеологические проблемы публицистики. – М.: Изд-во МГУ, 1971.
 38. Федотов Георгий. Святые Древней Руси. М., 1990. Феодор Студит, прп. О святых иконах и иконопочитании. Краснодар, 2006. С. 104.
 39. Шахбазян М. А. Церковная проповедь как парадигма русской религиозно-философской публицистики [Текст] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Вып. 1. – Майкоп, 2011. – С. 58-63. – 0,5 п.л.